

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Аузан¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

«ЭФФЕКТ КОЛЕИ». ПРОБЛЕМА ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТРАЕКТОРИИ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ — ЭВОЛЮЦИЯ ГИПОТЕЗ

27 сентября 2014 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова отметили 60-летний юбилей декана факультета Александра Аузана в формате научной дискуссии-симпозиума на тему «Институциональные проблемы долгосрочной социально-экономической динамики». В симпозиуме приняли участие более 400 человек, в том числе: Т. и И. Абанкины, А. Аксаков, Л. Алексеева, А. Архангельский, Ю. Белецкий, С. Глазьев, А. Гнедовский, А. Долгин, С. Ениколопов, К. Зимарин, Д. Зимин, Н. Зубаревич, А. Исайкин, Р. Капелюшников, Г. Клейнер, Б. Лapidус, А. Левинсон, П. Медведев, А. Нечаев, Р. Нуреев, К. Рогов, Л. Овчарова, В. Полтерович, А. Саватюгин, Б. Скворцов, Г. Тосунян, С. Шапигузов.

Открыла форум Э. Набиуллина, выпускница экономического факультета МГУ, глава попечительского совета факультета.

Центральным докладом симпозиума стал доклад А.А. Аузана об исследовании «эффекта колеи», модернизации как проблеме и как гипотезе и роли неформальных институтов и университетов. Модерировал дискуссию заместитель председателя совета по развитию экономического факультета И.В. Ломакин-Румянцев.

Проблема «эффекта колеи», рассматриваемая в данной статье², является междисциплинарной. Задолго до американских экономистов, которые получили Нобелевскую премию за постановку этой проблемы, ее предвидели в своих трудах русские философы конца XIX — начала XX в. Потом появились количественные исследования, отчетливо обозначившие проблему, а затем и версии, ее объяснявшие. Новая политическая экономия задалась вопросами: что можно сделать для ее преодоления и почему те или иные гипотезы не сработали? Собственные поиски автора и его коллег напрямую связаны с ролью университетов.

Ключевые слова: «эффект колеи», социально-экономическая динамика, модернизация, неформальные институты, роль университетов.

¹ Аузан Александр Александрович, докт. экон. наук, профессор, декан экономического ф-та; e-mail: dean@econ.msu.ru

² Статья подготовлена на основе доклада автора на симпозиуме «Институциональные проблемы долгосрочной социально-экономической динамики». М., МГУ, 27 сентября 2014 г.

A.A. Auzan,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

PATH DEPENDENCE PROBLEM: THE EVOLUTION OF APPROACHES

On 27 September, 2014, the Faculty of Economics of Lomonosov MSU celebrated the 60th anniversary of the dean Alexander Auzan in the form of a scientific discussion. The subject matter of the symposium was “The institutional issues of the long-term socio-economic dynamics”. The symposium was attended by more than 400 people including I. Abankina, T. Abankina, A. Aksakov, L. Alexeyeva, A. Arkhangelsky, Y. Beletsky, A. Dolgin, R. Enikolopov, S. Glazyev, A. Gnedovsky, A. Isaykin, R. Kapelyushnikov, G. Kleiner, B. Lapidus, A. Levinson, P. Medvedev, A. Nechayev, R. Nureev, L. Ovcharova, V. Polterovich, K. Rogov, A. Savatyugin, S. Shapiguzov, B. Skvortsov, G. Tosunyan, K. Zimarin, D. Zimin, N. Zubarevich.

Elvira Nabiullina, a graduate of the Faculty and the head of the Faculty’s Board of Trustees, opened the symposium. Alexander Auzan presented the keynote speech where he addressed such topics as path dependence, modernization as an issue and as a hypothesis, the role of informal institutions and universities. The discussion was moderated by Ilya Lomakin-Rumyantsev, the vice-president of the Faculty’s Development Council.

The path dependence problem is presented in the article from an interdisciplinary perspective. First insights into this problem appeared in the writings of Russian philosophers of the late XIX - early XX century, long before the American economists received the Nobel Prize for framing of the problem. Later the problem was specified in quantitative studies, followed by some versions of explanations. The new political economy raises the question of what can be done to cope with the problem and why certain hypotheses have failed. Individual studies of the author and his colleagues are primarily related to the role of universities.

Key words: path dependence, socio-economic dynamics, modernization, informal institutions, role of universities.

Предвидение проблемы: русские философы начала XX в.

Если обращаться к истории вопроса, то предвидение «эффекта колеи» можно обнаружить в трудах разных русских философов начала XX в. — марксиста Г. Плеханова, вышедшего из марксизма Н. Бердяева, православного мыслителя Г. Федотова и др. Они фиксировали повторяемость событий, реставрацию некоторых институтов, постоянное возвращение к ним. Наиболее яркая фраза одного из этих философов звучит так: «С февраля по октябрь 17-го года перед восхищенным русским взглядом прошли парадом все возможные партии и идеи. И что же выбрал русский человек? То, что имел, — царя и державу» [Бердяев, 1990].

Аналогичный анализ был проведен и по периоду Смутного времени (1613), и по послереволюционному (после 1917 г.). Причины ограничений русского развития, которые не позволяют провести определенные преобразования, которые хотелось бы сделать в России, всегда понимались через специфический характер институтов³ либо через социокультурный («московитский») тип.

Выявление проблемы: статистика долгосрочного развития

К сожалению, все выдвинутые предположения относительно «эффекта колеи» довольно трудно верифицировать без количественного анализа. Первой научной постановкой проблемы стали исследования одного из величайших статистиков — А. Мэддисона. В 1990 г. он реализовал достаточно простую идею — свести данные за 200 лет существования статистики в одну таблицу [Maddison, 2007]. Когда А. Мэддисон это сделал, выявились очень интересные закономерности (рис. 1).

Как видно из представленных графиков, существуют две траектории, по которым движутся страны (А и В). Их экономики растут, но разными темпами. Причем многолетняя скорость стран траектории А существенно выше, чем скорость стран траектории В. На нижнем левом графике показаны пять стран, которым удалось за XX в. сменить траекторию. Это Япония, Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань. На нижнем правом графике представлены страны со стартующими модернизациями, про которые пока нельзя сказать, что они в состоянии сменить траекторию.

Итак, количественный статистический анализ показывает, что проблема «эффекта колеи» существует. Есть гравитация, которая удерживает страны на траектории А или на траектории В. Причем это может быть связано как с качеством институтов, так и с социокультурными факторами. Если посмотреть на характеристики качества институтов на траектории А, то оно, несомненно, выше, чем на траектории В. Также видно, что разные культуры стартуют в разное время, поэтому вполне возможно объяснить разрыв между странами социокультурными факторами. Например, католические страны и регионы совершили рывок вперед намного позже, чем протестантские. А до активного развития протестантских стран господствовал своеобразный «буддийский ренессанс» в виде отдельных скачков дальневосточных стран. Анализ показывает, что дело не в религиях, а в тех ценностях и поведенческих установках, которые, например, католичество стало пропагандировать после Ватиканского собора 1962 г.

³ Например, крепостничество и самодержавие — это исключительно русские институты, которые не похожи на феодализм и абсолютизм, и воспроизводство этих форм происходит постоянно.

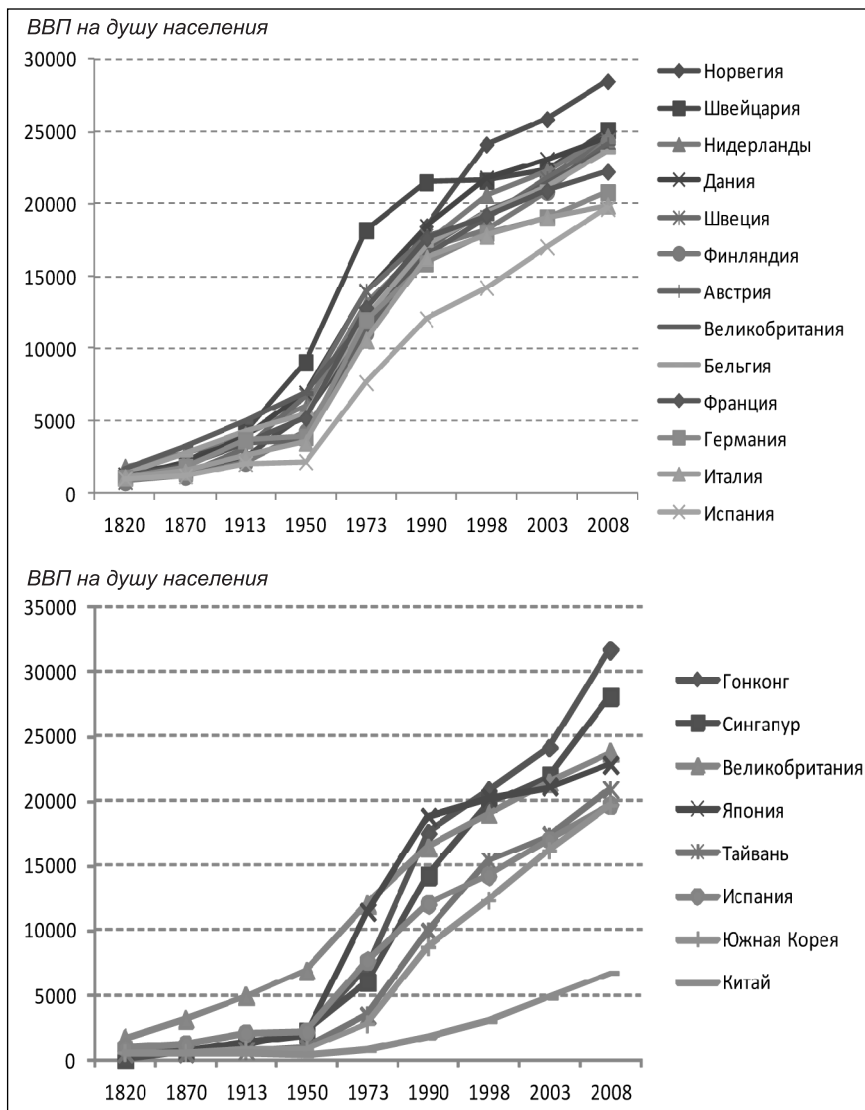
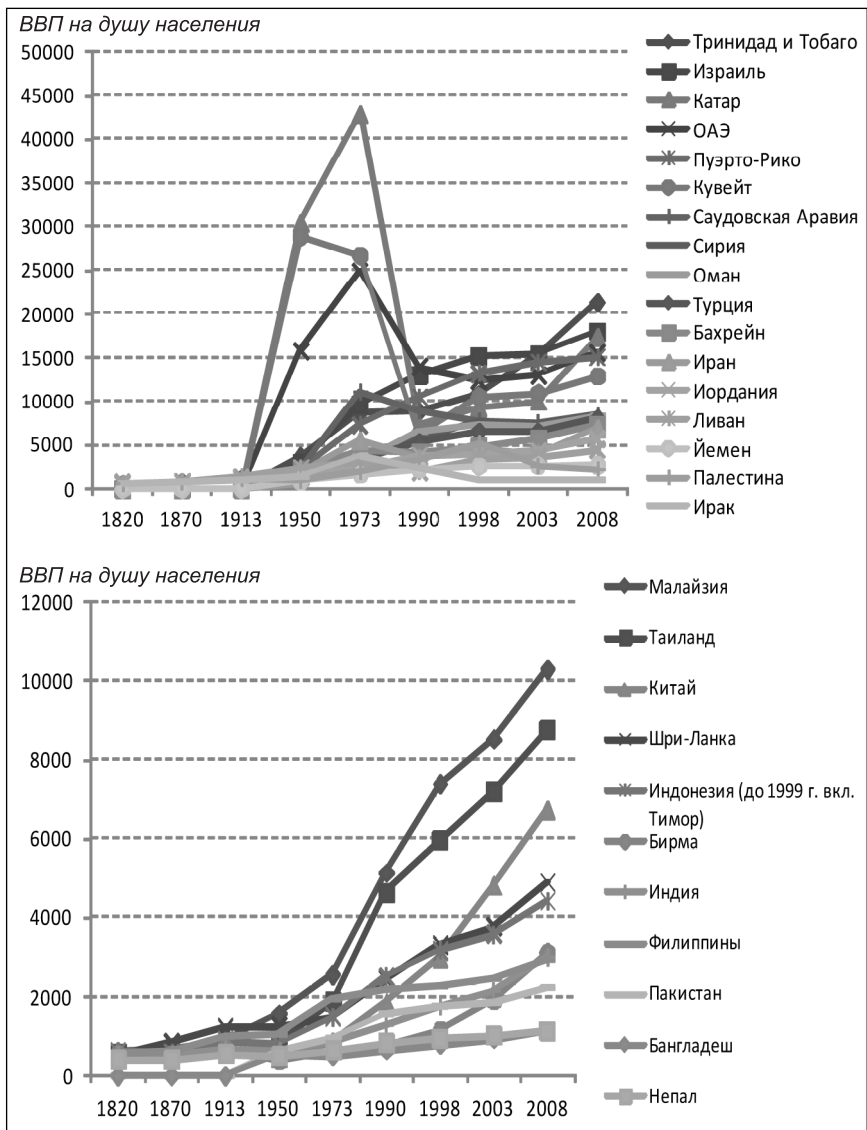

Рис. 1. Таблица А. Мэддисона

Постановка проблемы в новой экономической истории: гипотеза Path-Dependence

Поскольку статистически оба варианта, названные выше, возможны, возникла необходимость теоретического анализа, который связан прежде всего с именами Д. Норта и П. Дэвида. Именно постановка так называемой path-dependence problem (проблемы за-

Источник: [Аузан и др., 2011].

висимости от колеи) принесла Д. Норту Нобелевскую премию по экономике.

Леммой к теореме, доказанной Д. Нортом, является открытие феномена QWERTY в работе П. Дэвида (автор технологической гипотезы) «Клио и экономическая теория QWERTY» [David, 1985]. Этот труд относится к сфере новой экономической истории, в ко-

торой осмысление истории происходит в соответствии с совершенно другими методами.

Работа П. Дэвида вызвала немало дискуссий, но главная ее идея сохранилась. Действительно, вероятность ошибки в распространении технологических стандартов всегда существует, но если стандарт однажды утвердился, то потом экономия на масштабе, сетевые эффекты не позволяют сойти с ошибочной траектории. Таких примеров довольно много: знаменитые пишущие машинки с QWERTY-клавиатурой, ширина колеи железных дорог. Критика П. Дэвида, которая основывалась на разборе случая с пишущей машинкой, не отменяет поставленного вопроса, потому что неважно, было ошибкой расположение клавиатуры или нет. Важно другое — то, что такой стандарт закрепляется, и потом с этого пути невозможно сойти.

Лемма П. Дэвида позволила Д. Норту провести исторический анализ на примере Англии и Испании, Северной и Южной Америки и сделать выводы по аналогии с феноменом QWERTY. Так, Д. Норт показал, что существует возможность ошибки первоначального институционального выбора. Англия и Испания, которые в XVI в. занимали совершенно близкие макроэкономические позиции, к XIX в. резко разошлись. Причиной случившегося расхождения, похоже, стала случайность, а именно то, что в Испании налоги остались в руках королевской власти, а в Англии попали в руки парламента, т.е. налогоплательщиков. Потом усилились культурные различия. Религиозные отличия между англиканством и католичеством в XVI в. были несущественными, но потом они серьезно возросли. Испания позже осознала ошибку и пыталась ее исправить, но не смогла. Торможение в развитии Испании сохраняется, и даже после кризиса 2008—2009 гг. она отстает от основной группы стран, идущих по траектории А.

В ходе анализа траекторий развития Северной и Южной Америки становится ясно, что здесь уже не было ошибки с первоначальным налоговым выбором. Это была ретрансляция культуры.

Гипотеза Дэвида—Норта (использованные ранее слова «лемма» и «теорема» носят образный характер, потому что на самом деле это, конечно, гипотеза, имеющая некоторые основания) позволяет предположить, как институты и культуры влияют на «залипание» страны «в колее». Институты, как и стандарты, определяют выбор траектории, а «устойчивой колеей» ее делает культура.

В качестве примера, подтверждающего такую точку зрения, можно привести траектории развития Северной и Южной Кореи (рис. 2).

До разделения эти два государства имели единую культуру, географию, климат, относительно равномерное распределение производства с преобладанием его на севере. Конечно, существовали и

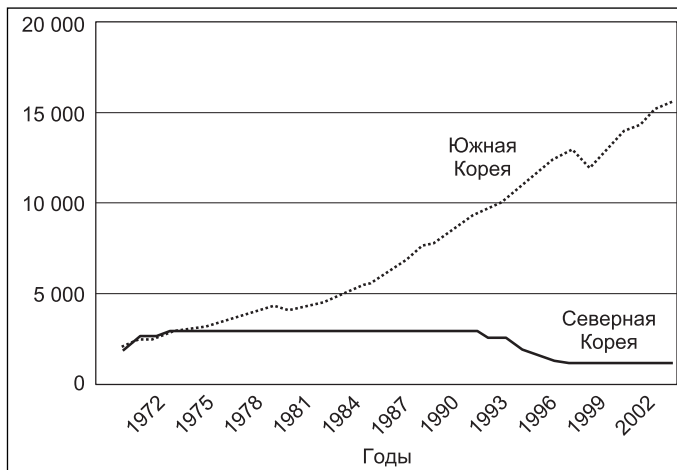

Рис. 2. ВВП на душу населения в Северной и Южной Корее, 1972—2002 г. (международный долл.)
 Источник: [Асетоглу et al., 2005].

другие факторы, влияющие на развитие стран, например китайская и советская помощь КНДР, американская помощь Республике Корея. Однако объектами американской помощи являлись самые разные страны, но далеко не все они достигли уровня развития Южной Кореи. При этом современные корейцы говорят, что за 60 лет различия уже приняли культурный характер. То есть здесь имеет место институциональный выбор, который произошел в результате раздела страны в гражданской войне, а затем уже закрепление различий в культурной инерции.

Интересно рассмотреть следующую проблему: что можно сделать для преодоления инерции? Южная Корея — как раз та страна, которая сменила траекторию, как и Япония. Постановка вопроса о том, что делать для преодоления одной траектории и перехода на другую, переносит исследователя в сферу новой политической экономики, исследования политических процессов экономическими методами.

Постановка проблемы в новой политической экономике: гипотезы о модернизации

Расширенная гипотеза Норта—Уоллиса—Вайнгаста, которая изложена в их книге «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» (2009) [Норт и др., 2011], создала, по существу, другие рамки для представления о том, как и почему различаются траектории и как можно осуществить переход.

Одним из самых парадоксальных суждений в этой книге является утверждение об ошибочности следующего тезиса: развитие является закономерностью, а отсталость — исключением. Однако только 25 стран идут по траектории А, а 175 стран — по траектории В. В связи с этим авторы книги настаивают, что объяснять надо, как удалось развиться и сойти с траектории В первой группе стран. Почему другая группа осталась на траектории В, по их мнению, довольно понятно.

Процесс перехода очень сложен. По расчетам авторов книги, он требует не менее 50 лет чистого времени (время модернизации). С их точки зрения, Южная Корея его еще не завершила.

Получается, что две траектории — это два разных мира, два разных социальных порядка, которые различаются набором правил. Это так называемые граничные условия социальных порядков.

В одном случае элиты создают законы для других и исключения для себя, в другом элиты создают законы для себя, распространяя их на других. В одном случае коммерческие, политические и некоммерческие организации создаются вокруг персон и умирают вместе с ними, в другом они переживают своих создателей. В одном случае инструменты насилия распределены между группами элиты, в другом существует коллективный контроль.

Интересно, что Советский Союз в послесталинское время фактически реализовал и переживание организациями своих создателей, и коллективный контроль над инструментами насилия. В период перестройки была попытка создать ситуацию, когда законы создаются для себя и распространяются на других. В определенный момент СССР находился на грани ухода с инерционной траектории, были очень высокие результаты, но в итоге полный набор условий не был разработан.

Главный вопрос заключается в том, как и почему происходит смена одного набора правил на другой. Здесь надо смотреть на конкретные алгоритмы перехода. На этот счет есть целый ряд гипотез, заблуждений, отвергнутых представлений. Ниже будут перечислены некоторые важные шаги интеллектуального движения за последние 60 лет.

Первой была так называемая гипотеза развития, или модернизационная гипотеза С. Липсета — главы институциональной школы в социологии. Он предполагал, что переход происходит через экономический рост, который потом ведет к социальным результатам, распространению образования, появлению среднего класса и формированию демократии.

Были и противоположные гипотезы. Не только в западной литературе, но и в отечественной, например гипотеза «барьера не-свободы», которую А. Илларионов выдвинул и проиллюстрировал,

основываясь на статистических данных, в своих работах 2005—2006 гг. Согласно этой гипотезе, демократизация ведет к экономическому росту.

Гипотезы были эмпирически проверены.

В 2007 г. были опубликованы работы В. Полтеровича и В. Попова, а также Т. Персона и Г. Табеллини, которые доказали, что нет однозначной причинно-следственной связи между демократизацией и ростом [Полтерович, Попов, 2007; Persson, Tabellini, 2007]. Демократизация может вести к отрицательным последствиям, если нет так называемого сильного правопорядка, работающих институтов, а может — к положительным последствиям, если есть сильные институты. Пример революции и реставрации в Египте показывает, что происходит в случае, когда демократизация происходит при слабых институтах.

Работы Д. Асемоглу и других показали, что нет причинно-следственной связи между ростом доходов и демократизацией [Acemoglu et al., 2009]. Важным здесь стал вывод об упущенном факторе. Количественный анализ показывает отсутствие результата, потому что упущен один фактор. Предположительно этим фактором является набор формальных правил, неформальных практик и ценностных установок.

Е. Ясин в работе 2007 г. высказал идею, что потенциал инновационного развития зависит не только от институциональных реформ, но и от изменения культуры [Ясин, 2007]. В 2011 г. был опубликован доклад А. Аузана, А. Архангельского, П. Лунгина, В. Найшуля и др., в котором авторы, проанализировав, как работает в модернизации культура, пришли к выводу, что социокультурные факторы по меньшей мере существенны [Аузан и др., 2011]. Таким образом, переход на новую траекторию роста связан с направленным сдвигом социокультурных характеристик.

Наконец, в статье А. Аузана и К. Келимбетова (2012) утверждалось, что существует национальная формула модернизации, которая складывается из двух компонентов:

- 1) универсальных трендов социокультурного сдвига,
- 2) специфического набора того, что в стране представляет традицию, но может быть утилизировано в модернизационный эффект.

В данном случае были сформулированы предположения, которые необходимо проверить.

В поисках новой постановки: гипотезы о неформальных институтах

В начале и середине XX в. все разговоры о культуре происходили на уровне понятий. Теперь появились возможности не только количественно исследовать социокультурные факторы, но и изучать

тренды. В качестве примеров можно назвать методики Р. Инглхарта и Г. Хофстеде, которые позволяют измерять динамику социокультурных характеристик [Inglehart, 1977; Hofstede, 2001]. Сейчас имеются накопленные за 50 лет ряды данных по социокультурным показателям. Значит, появляется возможность сопоставления этих рядов с динамикой макроэкономических показателей. На основе такого сравнительного анализа можно выдвигать гипотезы.

В 2013 г. на Втором российском экономическом конгрессе и в «Журнале Новой экономической ассоциации» автором данной статьи были выдвинуты три гипотезы, которые касаются устройства и действия неформальных институтов:

1) *гипотеза об иерархии*: ценности (индексы Инглхарта) определяют набор поведенческих установок (показателей Хофстеде);

2) *гипотеза о конкурентных преимуществах*: пары коэффициентов Хофстеде воздействуют на конкурентные преимущества и специализацию стран;

3) *гипотеза о трансформации*: набор и вектор изменения социокультурных характеристик ведут к трансформации.

Дилемма о том, как работают институты и как работает социокультурный тип, может быть решена с помощью разработки концепции, теории неформальных институтов. В таком случае в едином понятийном поле оказываются и социокультурные, и организационно-правовые истоки, связанные с формальными институтами. Три выдвинутые гипотезы о неформальных институтах, вытекающие из количественных сопоставлений, являются важными для конкретных выводов и пониманий.

В качестве эмпирического материала для проверки гипотезы 1 можно предложить следующий пример. Когда были сопоставлены динамические ряды, характеризующие развитие Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня, оказалось, что все эти страны, перешедшие на траекторию А, демонстрируют одну и ту же динамику социокультурных характеристик. Причем она касается как ценностей так называемых индексов Инглхарта (переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, рост ценностей самовыражения), так и того, что называется коэффициентами Хофстеде, т.е. поведенческих характеристик (рост значения индивидуализма, снижение дистанции власти и появление высокой долгосрочной ориентации). Это не означает, что ценностный сдвиг является причиной, а экономический сдвиг — следствием. Пока можно говорить только о том, что данная связь существует.

Попытка проверить гипотезу 2, которая связана с пониманием того, как воздействует культура на специализацию страны, на роль на мировом рынке, была предпринята в рамках исследования ИНП «Общественный договор», посвященного профессиональным сфе-

рам конкурентного преимущества российских специалистов в зарубежных странах. Германия, Израиль и США — основные направления эмиграции наших специалистов, выпускников российских вузов — обладают хорошей миграционной и трудовой статистикой. Ее анализ (рис. 3) позволил выяснить, в каких профессиях успешны наши соотечественники в указанных странах.

Цифрой 1 на рисунке обозначена зона пересечения всех трех рынков. Абсолютную конкурентоспособность наши соотечественники показывают в сфере IT, математике, физике и химии. Цифрами 2 и 3 обозначены сферы, которые встречаются как доминирующие на двух рынках (специалисты в области искусства, спорта и медиа, а также живой природы, прежде всего биологии). Надо заметить, что есть теоретические работы, которые объясняют, при каком сочетании социокультурных характеристик страна готовит успешных математиков, а при каком — успешных юристов.

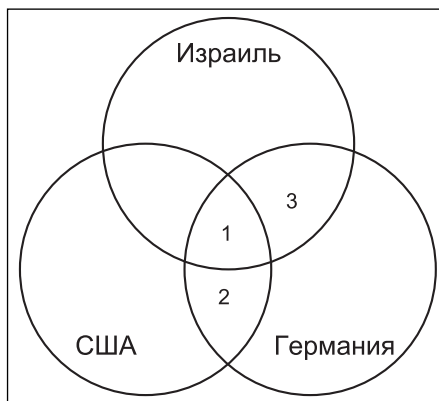
Материалы для проверки гипотезы 3 содержатся в исследовании, которое проводили специалисты петербургского Центра независимых социологических исследований. Авторы исследования проанализировали, как строятся карьеры наших соотечественников в инновационных секторах в Германии (Северный Рейн-Вестфалия и Берлин), США (Нью-Джерси и Мэриленд) и России (Санкт-Петербург). Работали три независимые группы. Выводы социологов изложены в таблице (с. 14).

Можно процитировать одну яркую фразу, которая представляется ключевой для понимания того, что удалось обнаружить авторам приведенного выше исследования. Один из интервьюированных американских менеджеров сказал: «Хотите получить уникальную вещь — закажите русским. Хотите получить десять одинаковых — заказывайте кому угодно, только не русским». Это одна из характеристик сферы специализации, одно из объяснений того, почему

Рис. 3. Профессиональные сферы конкурентного преимущества выходцев из России.

Условные обозначения: 1 — специалисты IT, математики, физики, химики; 2 — профессии, связанные с искусством, спортом, медиа; 3 — специалисты в области наук о живой природе (прежде всего, биологи)

Источник: исследование ИНП «Общественный договор» (2012 г.).

Россия в XX в. создала космический корабль, атомную и водородную бомбы, гидротурбину, но не смогла сделать конкурентоспособный автомобиль, холодильник и телевизор. Потому что при таком сочетании измеряемых социокультурных характеристик наши специалисты могут подковать блоху, но не могут делать массовые продукты.

Портрет российского инноватора

Характеристика	Плюсы	Минусы
Восприятие профессии как призвания, а не карьеры	Нацеленность на самореализацию, на достижение уникального результата, высокая креативность	Неумение себя «подавать» и «продавать», замкнутость на признании среди узкого круга коллег и друзей
Фундаментальное образование советского образца	Универсальная квалификация	Необходимость адаптироваться к конкретным узкоспециальным задачам
Опыт работы в институционально и нормативно не определенной среде	Способность решать сложные, нестандартные, уникальные задачи	Сложности в решении формальных и рутинных («скучных») проблем, потребность быть «творцом», а не исполнителем
Радикальный индивидуализм	Склонность к трудоголизму и гиперответственности, презрение к признанным авторитетам	Отсутствие навыков командной работы, конфликтный характер взаимодействия, неумение перераспределять ответственность, авторитарный стиль управления
Короткий горизонт планирования	Способность к мобилизационным усилиям и краткосрочным прорывам	Отсутствие стратегического мышления, ориентация на решения тактических задач

Источник: Центр независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) (2011 г.).

Социокультурные особенности россиян являются причиной определенных возможностей и ограничений [Аузан, 2010]. Возможности связаны с креативными индустриями, с опытными производствами, что основывается на таких характеристиках, как нацеленность на самореализацию, высокая креативность, способность к мобилизационным усилиям и краткосрочным прорывам. Но есть и ограничения, которые блокируют входы в инновационные процессы. Прежде всего, речь идет о комбинации высокой дистанции власти и высокого избегания неопределенности. Среди

других ограничений — несоблюдение правил и стандартов, а также большой индивидуализм, который не позволяет реализовывать многие коллективные проекты, потому что договороспособность очень низкая.

Опыт успешных модернизаций показывает, что сдвиги в социокультурных характеристиках осуществляются не за 100, а за 10—20 лет, если, конечно, ведется определенная образовательная и культурная политика. При этом важно использовать существующие возможности и не утратить имеющиеся конкурентные преимущества.

«Выход из колеи»: роль университетов

В первой статье Великой хартии университетов, принятой в 1988 г. в Болонье, сказано, что университет «является автономным учреждением, которое критическим образом *создает и распространяет культуру* через научные исследования и образование». С экономической точки зрения это можно интерпретировать следующим образом. Университеты в принципе производят три типа продуктов:

- 1) частное благо в виде человеческого капитала, который потом можно превращать в заработную плату;
- 2) социально значимое благо в виде определенного набора профессий;
- 3) общественное благо в виде культуры нации.

Хорошие университеты опираются на свой социокультурный профиль, поэтому одни готовят лучше математиков, другие — юристов. С другой стороны, университеты имеют возможность осуществлять культурный сдвиг, потому что, по гипотезе Р. Инглхарта, формирование ценностей приходится на период ранней взрослости человека, т.е. на период от 18 до 25 лет. В это время у молодого поколения происходит кристаллизация ценностей, сдвиг в ценностях. То есть происходящее сейчас с нынешними студентами отражает то, что через 15 лет будет происходить со страной, если университет производит элиты.

Гипотеза, которую сформулировал автор данной статьи совместно с коллегами из Института национальных проектов, состоит в том, что образовательные компетенции могут воздействовать на формирование ценностей будущих элит и среднего класса. Сейчас ведутся исследования в 12 университетах России для того, чтобы увидеть, как это происходит. В частности, проверка гипотезы может быть проведена и на примере экономического факультета МГУ. Программа развития факультета во многом отражает изложенные взгляды и идеи о том, что можно «выйти из колеи», если действовать в долгосрочном горизонте.

Как использовать в экономическом образовании культурные предпосылки? Очевидно, что при нынешнем культурном профиле

России университетские математики, физики, химики, IT-специалисты потенциально более конкурентоспособны в мире, чем экономисты, юристы, историки, филологи. Это означает, что надо двигаться вместе. Так, экономический факультет МГУ начал осуществлять стратегию кооперации с естественно-научными школами. Уже создана первая межфакультетская магистерская программа с биологическим факультетом, начались исследования на супервычислителях с ВМиК, обсуждаются общие программы с ВМиК и физическим факультетом. В 2015 г. будут запущены совместные программы с психологическим факультетом по когнитивной экономике. Факультет делает ставку на те профессии, которые поддерживаются нынешним культурным профилем. Отсюда и высокая роль математики в образовании. По данным исследования агентства Bloomberg в 2011 г., МГУ занял первое место в мире по такой характеристике, как математическое образование экономистов.

С другой стороны, вторая часть формулы модернизации — это сдвиг ценностей и поведенческих установок. Можно ли здесь что-то сделать? Как развивать договороспособность через командную работу и командное участие в конкуренции? Например, в балльно-рейтинговой системе на экономическом факультете МГУ не используются индивидуальные рейтинги. Факультет не поощряет конкуренции каждого с каждым, так как студентов нужно учить межколлективной конкуренции.

В заключение следует упомянуть о долгосрочной ориентации. На экономическом факультете реализуются два модернизационных проекта:

— «Группа повышенной академической нагрузки», научным руководителем которой является один из самых перспективных молодых ученых в мире О. Ицхоки;

— проект «Макс», который обеспечивает для менеджеров связку с работодателями через оценку их способностей, создание портфолио.

Оба проекта — попытки вызвать к жизни длинные горизонты.

Автор данной статьи полагает, что экономический факультет МГУ всегда подготавливал элиты и продолжает это делать сейчас. В частности, в 2013 и 2014 гг. студенты факультета заняли первое командное место на Международной универсиаде по эконометрике и стали победителями российского этапа Всемирного соревнования по финансовому моделированию. Ближайшее будущее России будет непростым. Не очень верится в то, что в краткосрочном и даже в среднесрочном периоде страна сможет совершить какие-то прорывы. Но это не означает, что Россия вообще их не сможет сделать. Надо набраться терпения и ориентироваться на долгосрочную перспективу, потому что без этого невозможен «выход из колеи».

Список литературы

- Аузан А.А. Национальные ценности и модернизация. М., 2010.
- Аузан А.А., Архангельский А.Н., Лунгин П.С., Найшуль В.А. Культурные факторы модернизации. СПб., 2011.
- Аузан А., Келимбетов К. Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. 2012. № 5.
- Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS 1955 г. М., 1990.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. М., 2011.
- Полтерович В.М., Попов В.В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2.
- Ясин Е. Модернизация и общество // Вопросы экономики. 2007. № 5.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as a Fundamental Cause of Long-term Growth / Ed by Ph. Aghion, S.N. Durlauf // Handbook of Economic Growth. 2005. Vol. 1. Part A.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. Reevaluating the Modernization Hypothesis // J. of Monetary Economics. 2009. Vol. 56. N 8.
- David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // The American Economic Rev. 1985. Vol. 75. N 2.
- Hofstede G.H. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Sage, 2001.
- Inglehart R. The Silent Revolution. Princeton, 1977.
- Maddison A. The World Economy. Vol. 1: A Millennial Perspective; Vol. 2: Historical Statistics. New Dehli, 2007.
- Persson T., Tabellini G. The Growth Effect of Democracy: Is It Heterogenous and How Can It Be Estimated? // CESifo Working Paper Series. 2007. N 2016.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

- Auzan A.A. Nacional'nye cennosti i modernizacija, M, 2010.
- Auzan A.A., Arhangel'skij A.N., Lungin P.S., Najshul' V.A. Kul'turnye faktory modernizacii, SPb, 2011.
- Auzan A., Kelimbetov K. Sociokul'turnaja formula jekonomicheskoy modernizacii, *Voprosy jekonomiki*, 2012, N 5.
- Berdjaev N. Istoki i smysl russkogo kommunizma, Reprintnoe vosproizvedenie izdanija YMCA-PRESS, 1955 g, M, 1990.
- Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva, Per. s angl, M, 2011.
- Polterovich V.M., Popov V.V. Demokratizacija i jekonomicheskij rost, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2007, N 2.
- Jasin E. Modernizacija i obshchestvo, *Voprosy jekonomiki*, 2007, N 5.